

С. В. ПРОСИНА
(Москва)

«СМЕРТНАЯ» ОДЕЖДА РУССКИХ

Аннотация. «Смертная» одежда может рассматриваться как материальное выражение устоявшихся народных представлений о взаимодействии мира живых с миром мертвых. Перечень необходимых для загробной жизни предметов помогает социализировать человека в мире мертвых. Каждый человек после смерти должен подвергнуться серии трансформаций, чтобы обрести новый статус. Использование специальной «смертной» одежды подчеркивает те изменения, которые с ним происходят.

Ключевые слова: традиционная народная одежда, «смертная» одежда, покойник, обрядовая одежда, похоронные обряды.

Рассматривая смерть как своеобразный переход из одного состояния в другое, как продолжение земной жизни, а иногда и самую важную часть своего «существования»¹, человек готовил себе всё самое необходимое задолго до смерти. Прежде всего, это гроб (дом) и «смертная» одежда². «Если у умершего ничего не было, надо было собрать кто что даст... Человек должен был приготовить “смертное” заранее» (Зап. от Нины Ивановны Борисовой, 1919 г. р., д. Малое Юрьево, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская, С. В. Просина. [АЦРФЭ-2004(л)-(33-8-A17)]); «<Специально одежду готовили?> Да. Старые специально готовили. У всех всё готово» (Зап. от Клавдии Михайловны Устиновой, 1927 г. р., д. Шу-

¹ Земная жизнь воспринималась лишь как неоконченный путь, подготовительный этап к будущему загробному существованию, к которой человек готовился иногда всю жизнь или, по крайней мере, всю вторую ее половину.

² Мы употребляем название «смертная» одежда исходя из ее назначения, абсолютно не настаивая на этом термине, так как в каждом регионе возможны локальные варианты. Например, в некоторых районах Центральной России подобная одежда так и называется (иногда бытует также название «смертное», «смертно»). Также в разных регионах широко известно название «на смерть».

бино, Гороховецкий р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская [АЦРФЭ-2002(в)-(33-7-A7)]); «Смертное уже приготовлено заранее: нижнее белье, платочек» [Судогда 2001, 234].

Иногда смертную одежду не готовили заранее, а быстро шили пришедшие помочь женщины уже по факту смерти. Такие противоречия зависят от индивидуального мнения, так как в одном и том же населенном пункте активно практиковали и то и другое, о чем говорят информанты в одном и том же интервью: «<Смертный узел был?> Это заранее должен, приготовлен уже. <...> Раньше иногда даже не заготавливали, и пока тут сряжают или чего обмывают, все собираются и на живую сметают» (Зап. от Аграфены Степановны Егуновой, 1918 г. р., д. Куприяново, Гороховецкий р-н, Владимирская обл. [АЦРФЭ-2002(л)-(33-7-A2)]); «У меня тоже все приготовлено. Умрет человек и голый будет лежать?! А так вымоют и сразу одевают и в гроб кладут» (Зап. от Елены Максимовны Ладыгиной, 1924 г. р., с. Лазарево, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская, С. В. Просина [АЦРФЭ-2004(л)-(33-8-A15)]); «В чем хоронить — всё заранее готово. Если не готово, то белье всегда есть, чтоб сразу одеть. Если нет, то обмоют и лежит, а тут шьют на живую нитку. Вперёд иглой» (Зап. от Клавдии Павловны Зеленовой, 1923 г. р., д. Якиманская слобода, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская [АЦРФЭ-2005(л)-(33-8-A4)]).

Собственно с момента сбора одежды, а также с заготовки гроба можно говорить о начале похоронного обряда в целом. Человек сам является инициатором этого процесса³. Более того, при

³ Сегодня собирание своего «смертного» является чрезвычайно важным занятием всех пожилых женщин как в городе, так и в деревне. Видимо, так было всегда. Очень часто в обсуждении всего комплекта в целом, а также в приобретении необходимых предметов одежды участвуют близкие родственники. «Смертный узел» иногда собирается годами, вещи из него периодически проветриваются, просматриваются и заменяются по мере необходимости (например, женщина или мужчина поправились или похудели, по какой-либо причине испорчена ткань и т. д.).

случае свое «смертное» охотно обсуждают и красочно описывают как чрезвычайно важный наряд⁴, даже демонстрируют его отдельные предметы (напр., платье, мужской костюм, саван). В случае подобной демонстрации одежду не примеряют на себя (хотя нам известно одно такое исключение), считается, что раньше срока смерть примеряешь⁵. Показывают саму одежду, а не то, как она смотрится на человеке.

В то же время широко известна общерусская традиция повторного использования одной и той же обрядовой одежды: «Вот если младенчик⁶ помер, то его в крестильной рубашечке хоронят. Если уж вырос он из нее, если уж не одеть никак, то ее режут, и кусочками вшивают в новую рубашечку» [Муром 2008, 154]. Также общерусским был обычай ложиться в гроб в венчальном наряде. В Бежецком у. Тверской губ. бытовала поговорка: «В чем венчаться, в том и скончаться». Как говорили, «бра́шно» (брачное) надо беречь, и если это возможно, в нем и ложиться в гроб. Иногда для этой же цели использовали один отдельный предмет из комплекта. Чаше всего старались сберечь венчальную рубаху (или позднее, платье), которая хранилась всю жизнь: «...<Для чего бабушка берегла венчальный наряд?> Было... Да так она уходила с этого света, нарядили в тот наряд венчальный, у ней были» <...или отдельный предмет хранили?> Да, да» (Зап. от Ольги Григорьевны Тимохиной, 1925 г. р., с. Бу-

⁴ Здесь можно провести аналогию с тем, как женщина собирается на какое-то важное мероприятие и обсуждает с приятельницами, кто в чем пойдет. При обсуждении «смертной» одежды во внимание принимаются ее нарядность и уместность (обязательное соблюдение, прежде всего, этических нормативов), а не то прискорбное событие, к которому эта одежда готовится.

⁵ Сведения получены в 2004 г. в д. Новое Ратово Муромского района Владимирской области от Рябовой Александры Михайловны, 1938 г. р., как раз во время демонстрации отдельных предметов из «смертного узла». Несмотря на озвученный запрет по поводу примерки, Александра Михайловна, видя, как мне нужно сфотографировать головной саван, со словами «все там будем» все-таки надела его.

⁶ Ребенок до семи лет считался младенцем.

латниково, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. С. В. Просина, О. В. Жукова [АЦРФЭ-2005(л)-33-8-А73]).

Одежду, приготовленную «на смерть», а также все предметы из «смертного узла» (покрывало, саван) обязательно старались освятить в церкви, поскольку считалось, что вещи, побывавшие в церкви во время обрядового богослужения, имели особое значение, становились «чистыми».

Погребальную одежду шили (или собирали) как специальный комплект. С течением времени его состав менялся. Изначально «смертная» одежда состояла из минимального количества предметов. В Заонежье считалось, что избыток вещей у покойного (надетых на него и положенных с ним в гроб) приведет к тому, что крышка гроба не закроется и тогда в деревне будет еще покойник [Логинов 1993, 152—153]. Как правило, у русских это была длинная рубаха (независимо от гендерной принадлежности), обувь (лапти), саван. Постепенно перечень предметов для одежды покойного расширялся, в частности, появились предметы нижнего белья, аналогичные тому, что носили живые: «*А раньше хоронили, мертвые-те: мужик умираит, рубашки да кальсоны, в брюках не клали, в кальсонах*» (Зап. от Елизаветы Григорьевны Горячевой, 1928 г. р., с. Быкасово, Гороховецкий р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская [АЦРФЭ-2002(л)-(33-7-А1)]); «*...бабу сперва в одной рубахе клали*» (Зап. от Валентины Ивановны Сатиновой, 1939 г. р., д. Грибково, Муромский район. Соб. С. В. Просина. 2004 г. [Рукописная запись]).

Иногда заготовленную рубаху специально не доделывали, оставив не вырезанным ворот или не дошив другие детали, которые заканчивали уже после смерти человека (Пермская губ.) [Кремлева, 1980]. До XIX в. материалом для «смертной» одежды служил домотканый лен, а к концу XIX — началу XX в. стали употребляться и покупные материалы. Однако там, где в какой-то мере сохранялось ткачество, старались использовать холст. Лен считался предпочтительным материалом для одежды в целом, за счет этого в течение некоторого времени осуществлялось противо-

поставление свой/чужой. Например, во Владимирской губернии (Шуйский у.) в 1898 г. считали, что «носить бумажное белье — грех, ибо его принес француз, носить же следует льняное» [Быт 1993, 133]. Соответственно пряжу для ритуальной одежды, в том числе и «смертной», даже на рубеже веков изготавливали по старинке, с помощью веретена, а не самопряхи. При шитье соблюдали особые строго регламентированные правила изготовления, которые использовались для всех обрядовых предметов. Ткань при раскрое рвали руками или обрезали камнем, отжигали огнем, шили на руках швом «вперед иголку» (от себя). До сих пор (в отдельных местах), когда шьют одежду для умершего, «назад не ступают» (Архангельская обл., Каргопольский р-н). Практически повсеместно ее шили с изнанки, стежками (а не «втачку», не «взахват»), узлов не делали, считая, что иначе в семье будет еще покойник.

Постепенно набор предметов расширялся и в XIX в. стал состоять из практически полного традиционного костюмного комплекса, принятого в той или иной местности.

Для погребальной одежды характерны такие эпитеты, как «новая», «праздничная», «лучшая». Во многих регионах на покойника надевали самую лучшую одежду и лапти: женщин клали в нарядном, иногда шелковом сарафане, покойника убирали в парадное платье и т. д.

В случае специально сшитого или заготовленного комплекта была особенно важна новизна. В старой, ношенной одежде на большинстве территорий не хоронили. Старую одежду надо было обязательно обновить: «...<В старой одежде нельзя было?> *Вообще-то нет, но если и так, мало что, то ношеную одежду окропят святой водичкой и так же обряжают.* <То есть она тогда становится новой, не ношенной?> *Да*» (Зап. от Валентины Ивановны Сатиновой, 1939 г. р., д. Грибково, Муромский р-н. Соб. С. В. Просина. 2004 г. [рукописная запись]).

Упоминания о новой одежде для покойника очень часты при описании погребальных обычаев у русских, украинцев и белорусов. Но наряду с этим на русском Севере бытовал и такой обычай:

хоронили в той самой рубашке, в которой человек находился во время смерти или клали эту рубашку с ним в гроб, а новую, специально заготовленную, надевали на него (Олонецкая губ.) [Шейн 1900, 793]. Иногда именно новизна одежды способствовала облегчению отхода в мир иной: умирающему шили новую рубашку или клали ее вместо подушки (Владимирская губ.) [Быт 1993, 143].

В некоторых случаях, учитывая ношение одежды на «том» свете, при собирании «смертного» узла готовили смену одежды или ее отдельных предметов: «...у меня лежат два платочка на голову — один повяжут, а один положут с собой» (Зап. от Веры Степановны Каравановой, 1928 г. р., д. Михайловское, Гороховецкий р-н, Владимирская обл. Соб. А. И. Исковяк [АЦРФЭ-2001(з)-33-7-А10])).

Смертная одежда отличалась характером покроя, материалом, цветом, способом изготовления, как и любая обрядовая одежда. Особый статус покойного подчеркивался и способом надевания одежды: отталкивались от того, как одеваются живые, делали все наоборот. Например, запахивали одежду на другую сторону, онучи лаптей заворачивали не в правую, а в левую сторону, оборы скрещивали не сзади, как у живого, а спереди и т. д. В погребальной одежде мы видим стабильное применение древних форм костюма и способов его ношения или возврат к ним⁷. Это остается актуальным и сегодня, относится к некоторым предметам одежды (или белья), вышедшим из употребления (например, рейтузы и панталоны, в некоторых случаях чулки у женщин; кальсоны у мужчин: «Фтрусах незаконна класть. Нада ф кальсонах» [Власкина 2004, 37]⁸. То же самое относится и к траурной одежде. Например, в д. Сумерки Тамбовской губ. в начале XX в. молодые женщи-

⁷ Она в прямом смысле являлась одеждой предков, на которую не распространялись модные веяния, что также подчеркивало особый статус этого вида одежды, как обрядовой, а также служило еще одним знаком одежды неживых людей.

⁸ Примеры, подтверждающие это утверждение, также имеются в статье В. Е. Добровольской в этой же рубрике.

ны уже переставали носить поневы, но в случае смерти близких обязательно надевали их — «печалились» [Маслова 1978]. Шүшка — рубахообразная белая полушерстяная одежда, сохранявшаяся в девичьем костюме Скопинского у. Рязанской губ. (надевалась поверх рубахи с поясом), служила в этой местности также погребальной и траурной одеждой для девушек и старух. В целом рубаху «на смерть» стремились сшить цельной — без подставки. Рукава рубахи чаще шили без обшлагов и без брыжей — оборок, которые были сравнительно новым и модным явлением. В погребальной одежде продолжают сохраняться завязки в качестве застежек, что характерно для старинных фасонов. Так, в Рязанской губ. рубашка, надеваемая «на смерть», не застегивалась ни на запонки, ни на пуговицы, а завязывалась тесьмой или гарусом [Лебедева 1929, 5]. Старинных форм одежды особенно придерживались старообрядцы⁹. В Каргополье (Олонецкой губ.) женский погребальный комплекс состоял из рубахи туникообразного прямого покроя (в то время как распространенным типом рубахи в XIX — начале XX в. в этом регионе была поликовая рубаха) и «широколямошника» — широкопройменного сарафана, который носили в старину, а в конце XIX — начале XX в. другие фасоны сарафана или городское платье (состоявшее из юбки и кофты) вытеснили его из быта. Широкопелый (широколямошный) сарафан из синей ткани оставался преимущественно у старообрядцев в качестве моленной одежды. На мужчин-старообрядцев надевали балахон или кафтан, сшитый с клиньями от талии (или со сборами), служивший в жизни только моленной одеждой. В мужской погребальной одежде кержаков Пермской губ. сохранялась рубаха-косоворотка с разрезом на правой стороне, как это было принято в старинных венчальных рубахах этого региона, а не на левой, как стали носить впоследствии. В «смертной»

⁹ Обрядовая одежда старообрядцев заслуживает отдельного подробного рассмотрения. Здесь же мы можем сказать, что и по сей день во многих регионах старообрядцы в качестве своей погребальной одежды используют принятый у них моленный комплект, как одежду по особому случаю.

мужской и женской одежде семейских Забайкалья сохранились старинный покрой и формы рубах, головных уборов [Маслова 1975, 50, 53].

Обмыть и обрядить умершего хозяина звали кого-нибудь из деревни: наряжать мог всякий, но не близкий родственник. Были и специальные люди, которые занимались обмыванием и одеванием покойников (что сохранилось и по сей день). Голыми руками покойника не трогали. Мыли овечьей шерстью, рогожкой, а наряжали в рукавицах¹⁰. Снимая с умершего рубашку, разрывали ее надвое, от ворота до подола. Если она была хорошей (справной) и находился желающий ее забрать, то, предварительно выстирав, ее вывешивали вывернутой наизнанку на шесть недель («не шевелили» ее), а потом отдавали на помин [Виноградов 1918, 27]. Кроме того, известны случаи, когда одежда умерших, по представлениям русских, становилась для живых оберегом, приносящим удачу. Например, в Лешуконском р-не Архангельской обл. для удачной охоты старики-охотники надевали на голое тело тщательно выстиранные рубахи своих умерших жен [Толстая 2005, 48—49]. В большинстве случаев одежда умерших подлежала уничтожению: сожжению или закапыванию¹¹.

Русские проделывали разные манипуляции с предметами одежды умершего, регулируя, таким образом, некоторые аспекты жизни живых. Так, пояс был важной составной частью одежды живых и мертвых. При жизни и после смерти он оберегал хозяина от нечистой силы, а кроме того, после смерти он продолжал выполнять социализирующую функцию, подчеркивая, что покойный был членом общества. Старообрядцы считали, что без пояса покойника не пустят на «тот свет» [Левкиевская 2009, 231]. Значение пояса не уменьшилось в первой половине XX в., соблюдается это правило и сегодня¹²:

¹⁰ Сведения получены от А. Рябовой в 2005 г. Муромский р-н, Владимирская обл.

¹¹ И то, и другое производилось с соблюдением мер безопасности для живых: сжигали одежду в костре, но не в печи; закапывали в тех местах, где никто не ходит.

¹² В то время как в одежде живых присутствие или отсутствие пояса диктуется больше модой.

«Покойнику одевали рубаху, её подпоясывали таким поясом, подпоясени назывался» (Зап. от Клавдии Васильевны Жихаревой, 1919 г. р., д. Афанасово, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. Е. А. Волкова, Т. С. Наумова [АЦРФЭ-2005(л)-(33-8-A72)]); «И обязательно надо поясок надеть, потому что при крещении, когда крестят ребенка, поясок и крестик надевают, это обязательно. Раньше не было этого, так какой-нибудь ленточкой сделают» (Зап. от Аграфены Степановны Егуновой, 1918 г. р., д. Куприяново, Гороховский р-н, Владимирская обл. 2002 г. Соб. В. Е. Добровольская [АЦРФЭ-2002(л)-(33-7-A2)]); «Живые помощи» привязывают, как будто пояс» (Зап. от Тамары Петровны Ивлевой, 1935 г. р., д. Петраково, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская, С. В. Просина [АЦРФЭ-2003-(33-8-A14)]); «Пояс в смертное завсегда клали, даже ткали раньше специально. На покойнике пояс должен быть» [Муром 2008, 155].

На голову женщинам надевали принятый в данной местности головной убор, а сверху его покрывали траурным платком¹³. Мужчинам надевали шапку или прятали под подушку в гроб¹⁴. Кроме того, в некоторых регионах поверх платка голову женщины обрамляли саваном (мужчине надевают просто так или кладут в гроб), что сохранилось и поныне во Владимирской обл. Здесь саван различен по своей конструкции в зависимости от гендерной принадлежности¹⁵: «Для мужчин и женщин саван шили по-разному. Он белого цвета» (Зап. от Клавдии Васильевны Жихаревой, 1919 г. р., д. Афанасово, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. Е. А. Волкова, Т. С. Наумова. [АЦРФЭ-2005(л)-(33-

8-A72)]); «Саван шили, когда человек умирал. Женский саван отличался от мужского. Женский — со сборками, мужской — наискосок. Саван не разрезали сзади. Он шёл до конца, у него не было швов», «У молодых <...> саван не надевали, а ложили на плечи» (Зап. от Нины Ивановны Борисовой, 1919 г. р., д. Малое Юрьево, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская, С. В. Просина. [АЦРФЭ-2004(л)-(33-8-A17)]); «Саван на живую нитку шьют» (Зап. от Тамары Петровны Ивлевой, 1935 г. р., д. Петраково, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская, С. В. Просина. [АЦРФЭ-2003-(33-8-A14)]); «Еще готовили “савон”, такое полотно, которое сшивают и получается башлык. На голове вышивают определенный рисунок. Одевают на голову и пускают по спине. Холст ткали сами, вручную, материал был чистый лён. Одевали в саван, украшали цветами» (Зап. от Елены Ивановны Михеевой, 1926 г. р., д. Шумилиха, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. И. В. Змеев, Н. В. Черных [АЦРФЭ-2004(л)-(33-8-A53)]); «Для мужчины саван шьется вот таким манером. Матерьял шьют треугольником, выворачивают и вот так наденут <форма шапочки>. А женщине шьют как фату, с оборочками. Сзади разрезают, потому что когда будут переходить огненную реку, вот саван для чего и одевают, чтобы ей загородиться, она ей закроет лицо и перейдет. Разрезают, чтоб его легче поднять. И его не очень длинный делают, по пояс. <...> Платок, а потом саван» (Зап. от Клавдии Павловны Зеленовой, 1923 г. р., д. Якиманская слобода, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская [АЦРФЭ-2005(л)-(33-8-A4)]). Сегодня саван является практически единственным специальным предметом, маркирующим статус покойного¹⁶, он отличается от ранее употреблявшегося: по своей конструкции он скорее напоминает короткий башлык¹⁷, в то

¹³ С течением времени головной платок стал практически единственным обрамлением головы, однако в погребальной одежде бытовавшая ранее традиция сохранялась дольше всего. Цвет траурного платка в зависимости от местности был вариативен: кубовый (темно-синий), белый, черный.

¹⁴ Важным было именно наличие того или иного предмета, считалось, что покойный оденет его сам уже на том свете. В данном случае шапка должна была быть ношеной покойным при жизни.

¹⁵ Чаше всего он готовится заранее, а иногда шьется уже после смерти.

¹⁶ Это касается регионов, в котором он продолжает бытовать. Кроме него знаком неживого может также быть недоукомплектованный набор предметов (например, отсутствие или замена того или иного белья).

¹⁷ Скорее даже куколь, ранее входивший в состав смертного в некоторых регионах.

время как ранее он представлял собой полотно с широкими и длинным концом, сшитое в верхней части по ширине. В такой саван покойного заворачивали целиком, и он соотносился с верхней одеждой, которой у русских покойному обычно не полагалось¹⁸. Иногда вместо савана тело окутывали куском холста и обвивали длинной полосой ткани. Сегодня саван¹⁹ покрывает лишь голову и плечи покойника.

Так же как и другие предметы погребальной одежды, обувь подлежала некоторому отбору²⁰. Ранее ноги оборачивали в тканые портянки (о чем говорилось выше) и во многих губерниях обязательно надевали лапти. Последнее было особенно распространено в центральных губерниях как один из оберегов: «Черти боятся лаптей, поскольку они сплетены "крестиком"» [Быт 1993, 122]. До недавнего времени этот обычай сохранялся во Владимирской губернии²¹: «На ноги — ткани портянки, сами ткали, портянки обматывали, лапти льняными веревками, "ступни" <...> это из лык лапти. Раньше-то туфли надевали, из лыка-то» (Зап. от Елизаветы Григорьевны Горячевой, 1928 г. р., с. Быкасово, Гороховецкий р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская [АЦРФЭ-2002(л)-(33-7-А1)]); «Вот раньше пра-

вильно хоронили, в лаптях. Лапти — самая правильная смертная обувь» [Муром 2008, 155]. Лапти должны были быть новыми.

Сапоги не рассматривались в качестве смертной обуви, так как считались модным предметом гардероба. Бывали и исключения, например, в Олонецкой губ. (Петрозаводском, Олонецком, Повенецком уездах) иногда хоронили в сапогах, но при этом выдергивали из них железные гвозди или же надевали сапоги, сшитые только дратвою [Завойко 1914, 93; Куликовский 1894, 9]. Не употребляли металлические, особенно железные, предметы — обычай, вероятно, восходящий к глубокой древности. Пока фактический материал о нем еще недостаточен и противоречив. Правило не использовать железо имело и исключения: в некоторых южных регионах умершему в одежду втыкали иголки, так же как и живым, от сглаза (ср., например, иголки в одежде «молодых» на свадьбе).

Совсем малочисленны сведения о наличии или отсутствии украшений, которые надевают покойнику. К. К. Логинов пишет о том, что в украшениях нельзя было хоронить, так как «серьги превратятся в ящериц, броши — в жаб» [Логинов 1993, 142—143]. Сегодня украшения на покойнике также недопустимы.

Немаловажную роль в характеристике «смертной» одежды играл и играет ее цвет. В такой одежде изначально преобладали светлые тона и белый цвет (в большинстве регионов). У мужчин — белые рубахи (нательная и верхняя) и кальсоны; у женщин — белая сорочка и рубаха, белый головной убор или платок и т. д. Трауром для близких служила обычная одежда, но без украшений, иногда с преобладанием светлых тонов или белого цвета: понева «без нарядок», белые рубаха и касталан (в южных губерниях), белый платок. Женские головные уборы, в частности сороки, шили из белого холста и расшивали очелье белым по белому (Рязанская, Тверская губернии). В основной белый цвет вкрапливались другие цвета темных оттенков, в частности, немало упоминаний о кубовом и черном цветах в погребальной и траурной

Сегодня куколь употребляется только в церковном облачении.

¹⁸ Случаи с одеванием верхней одежды у русских не так распространены, нам известен лишь такой пример из Вологодской губернии. В отличие от аналогичных обычаев, принятых у соседних народов, например, украинцев. Им собирали с собой целый гардероб, в том числе и верхней одежды. См. [Толстая 2005, 45].

¹⁹ Слово «саван» может употребляться в разных случаях. Кроме описанных выше, так говорят и о покрывале (покрове), которым накрывают тело в гробу (сегодня оно приобретает в церкви, в советское время — это был отрез белого колена, и о балахоне, который могут надевать на покойного, и о «смертном узле» в целом.

²⁰ О запретах и предписаниях, связанных с обувью, см. в статье В. Е. Добровольской в этой же рубрике.

²¹ Известно, что в первой половине XX в. лапти еще продолжали существовать в обиходе деревни (хотя и в меньшей степени), в том числе служили погребальной обувью.

одежде (Владимирская губ.)²², ставших потом общепринятыми. В виде исключения можно привести погребальные одежды казачества в XVIII — начале XIX в. Жупан шили преимущественно из красного сукна или китайки, шили его также и из синей ткани, но с красными лацканами, поясом и на красной подкладке. В походной жизни казаков красная китайка от подкладки или верха жупана употреблялась для разных надобностей, в частности, для обертывания убитых казаков. На наш взгляд, красный цвет для погребальной одежды имел узколокальное бытование и был связан со спецификой казачьего быта. В свою очередь, ткань черного цвета повсеместно в деревнях применялась главным образом для верхней одежды. В XIX — начале XX в. черный цвет стал более активно проникать из города в погребальную и траурную одежду. Постепенно происходило вытеснение белого цвета черным в погребальной и траурной одежде сельского населения. Процесс этот происходил у всех славян. Кроме того, траур отмечался способом ношения одежды и иногда изменением прически. В знак печали родные иногда ходили в том платье, в котором их захватила смерть родственника. В Мосальском у. Калужской губ. отмечен своеобразный обычай: в знак траура все сопровождавшие покойника повязывали себе голову белыми полотенцами, не исключая мужчин, а иногда и самого духовенства [Зеленин 1915, 605—606]. Девушки после смерти отца или матери распускали волосы и не заплетали кос. При трауре женщины носили платки внакидку, не завязывая концы платка²³. Близкие умершего в трауре расстегивали ворот у рубашки, женщины не надевали передника после смерти близкого человека до 40 дней, а затем носили только белый передник до трех лет

²² Здесь кубовый — основной цвет одежды старух. Интересно то, что старые люди, уже не считавшиеся полноценными членами общины в данном регионе (для общины они переставали быть дееспособными, становились своего рода мертвыми), начинали еще при жизни носить одежду, окрашенную как погребальную.

²³ Точно так же платок надевали и на покойницу.

(Рязанская губ.). Характерный способ ношения одежды в знак траура — накидывание ее на голову. Как правило, в таком качестве употреблялись предметы верхней одежды стариков и старух²⁴, которые они продолжали носить повседневно, а женщины и мужчины репродуктивного возраста использовали их только в качестве обозначения траура. В таком случае эти вещи сознательно портили: распарывали или отрывали рукава, или наоборот — не делали необходимых разрезов²⁵. В Рязанской губ. в начале XX в. сохранялось несколько видов такой одежды. Кодман — одежда туникообразного прямого покроя из черной тонкой домотканой шерстяной материи; его рукава не сшивали в нижней части, а ворот не прорезали. Пониток (или чекмень) из Михайловского у. другого покроя — сильно расклешенный (в распластанном виде образует полукруг), с длинными рукавами, сшитый из темной шерстяной домотканой материи; в «горе» женщины также накидывали его на голову [Лебедева 1929, 21—22].

Исследователи находят некоторые параллели между свадебным и погребальным обрядом. Самая очевидная для нас заключается в описанном выше обычае использования своего венчального наряда в качестве смертной одежды. Кроме того, это широкое использование белого цвета на подготовительном этапе к свадьбе: в качестве «кручинной» одежды в период, когда девушка оплакивает свое девичество, готовясь стать невестой. «По печали» женщины надевали «горемычную» поневу (так же, как под венец) с белой холщовой прошвой (Рязанская, Тамбовская губ.) [Гринкова 1927, 31]. Постепенно белый цвет стал преобладать в свадебной одежде невесты²⁶, как символ чистоты,

²⁴ Старики носили устаревшие, вышедшие из всеобщего употребления фасоны одежды.

²⁵ Это своего рода «неодежда», т.е. такой вещью нельзя пользоваться как одеждой. Она на период траура как бы выводила своего носителя из обычных членов общины, обособляя его, подчеркивая его особый временный статус.

²⁶ Так было до последнего времени. Сегодня мы можем видеть, как в свадебную одежду невесты вновь потихоньку проникает

невинности. Уже в советское время мы видим, как именно в этом значении белый цвет начали активно использовать в «смертной» одежде молодых девушек: «<Почему она в белом должна быть?> ...она умерла, не зная греха» (Зап. от Валентины Ивановны Сатиной, 1939 г. р., д. Грибково, Муромский район. Соб. С. В. Просина 2004 г. [рукописная запись]); «На девушку одевали белое платье... одевали в саван, украшали цветами» (Зап. от Елены Ивановны Михеевой, 1926 г. р., д. Шумилиха Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. И. В. Змеев, Н. В. Черных [АЦРФЭ-2004(л)-(33-8-A53)]); «<А если умирала молодая девушка?> Обряжали в венчалное платье, все она в платье венчалное. <То есть как невеста?> Как невеста» (Зап. от Ольги Григорьевны Тимохиной, 1925 г. р., с. Булатниково, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. С. В. Просина, О. В. Жукова [АЦРФЭ-2005(л)-(33-8-A73)]); «Если девушка молодая умерла, то родители ее покупают в магазинах свадебное платье, уваль (вуаль), туфли на каблучке²⁷ — всё, как у невесты, и так ее хоронят» [Муром 2008, 154].

В целом говоря о параллелях свадьбы/похороны, следует упомянуть, что в некоторых регионах на рубеже XIX и XX вв. существовало представление о том, что молодой парень или девушка обязательно должны были на «том свете» иметь жену или мужа и что без этого им не будет там места. Если повенчавшиеся не успели отыграть свадьбу, а кто-нибудь из молодых умирал, то его хоронили как парня или девушку. Девушку клали с распущенными волосами, как на свадьбе, с венком на голове²⁸; цветами украшали гроб, ставили две венчалные свечи (Пермская губ.) [Корнаухов 1848, 57]. Помимо того, что точно так же вы-

цвет, причем не только светлых, пастельных оттенков.

²⁷ Только в этом случае в качестве погребальной обуви могут использоваться туфли на каблучке, в остальных случаях это неприемлемо.

²⁸ Старообрядцы, обряжая умершую девушку, делали ей бабскую прическу (окручивали ее, сворачивая волосы на лбу тугим жгутом), предполагая ее замужество в загробной жизни.

бирались подружки, староста и другие члены, выбирали парня за вдовца, ему дарили венок в подарок от «невесты». Аналогично устраивались похороны и для парня. Парню, как и девушке, надевали на правую руку перстень из воска. На подобных похоронах-свадьбе проводилась обязательная раздача всевозможных текстильных предметов, в том числе и разнообразной одежды. Если умирал парень, его одежду раздавал другим парням его отец. Если умершая дочь была единственной, мать созывала ее подруг и раздавала заготовленное для этой дочери приданое, в первую очередь одежду. Раздача предметов одежды практиковалась и при похоронах людей любого возраста. «Погробица» — одежда, положенная на крышку гроба, шла церковному причту или раздавалась за какую-либо помощь на похоронах. В Костромской губ. существовал обычай тайной милостыни, когда родственники умершего в течение одной или нескольких ночей раскладывали на окнах и крыльцах соседей предметы одежды, как бы обязывая этим односельчан помянуть умершего [Смирнов 1920, 23].

Наиболее четко были отрегулированы принципы формирования женского «смертного», в котором учитывался ее социовозрастной статус. Кроме статуса девицы особо выделяли старых дев (вековух), отмечая явное противопоставление цветового наполнения одежды: «...если вековуха, ну стара дева, то ее в черном хоронят, как монашку, платок повязывают крест-накрест, с узлом на шее» [Муром 2008, 154]; «Черниченок, ну старых девок, в черном хоронят и платок назад завязывают, а не под подбородком» [Там же].

Начиная с советского времени и по сей день мы можем наблюдать интересное явление, когда одежда мертвых становится отражением одежды живых²⁹, что показывает отношение к загробной жизни как к естественному продолжению жизни земной: там человек будет «носить» одежду, характерную для своего времени, а, следовательно, одежда продолжит социализировать его, как и при жизни. В то же время современная обыч-

²⁹ Соблюдаются тот же крой, ткани, набор предметов (за исключением некоторых предметов белья).

ная одежда со сменой ситуации (смертью) становится обрядовой, к ней начинают относиться как к части обряда.

Современная «смертная» одежда не имеет отличий по месту своего бытования (в городе и в деревне сегодня к ней предъявляют одинаковые, во многом традиционные, требования). Важными становятся личные критерии, чувство вкуса и ощущение уместности приготовленной одежды, однако в то же время существуют общие традиции, которыми нельзя пренебрегать. Останемся коротко на основных из них. Немаловажным критерием остается качество материала и его цвет. Считается, что лучший материал для смертного платья — это ситец светлой расцветки (не однотонный, но и не слишком яркий, броский)³⁰. Шерсть стараются не использовать³¹, тому есть объяснения многих информантов: «...вроде того, что будет жарко человеку очень, его будет припекать. <...> Любой цвет... не черный. <Почему?> Черт, говорят, черный цвет. Он долго не выгорит там, будет долго выгорать. Не пустят, будешь стоять, пока не выгорит. <...> Ну, а мужчина, между прочим, в костюмах... черных, только сорочка там» (Зап. от Ольги Григорьевны Тимохиной, 1925 г. р., с. Булатниково, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. С. В. Просина, О. В. Жукова [АЦРФЭ-2005(л)-33-8-A73]); «...Светленькое, потому что иначе смердом будешь на том свете» (Зап. от Нины Ивановны Борисовой, 1919 г. р., д. Малое Юрьево, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская, С. В. Просина [АЦРФЭ-2004(л)-33-8-A17]); «Именно надо в ситцевом, не в каком шерстяном. И вот не надо класть в темном, потому что будет стоять, пока не выгорит, всё это при сказки» (Зап. от Аграфены Степановны Егуновой, 1918 г. р., д. Куприяново, Гороховецкий р-н, Владимирская обл., 2002. Соб. В. Е. Добровольская [АЦРФЭ-2002(л)-(33-7-A2)]); «А во что обряжают покойную женщину? Раньше счи-

тали, что надо одевать все светлое. <А если в темное?> Будет долго там стоять, пока выгорит. <А там — это где? У ворот?> Там. Когда всё выгорит, тогда примут» (Зап. от Нины Ивановны Ваниной, 1930 г. р., с. Булатниково, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская, С. В. Просина [АЦРФЭ-2005(л)-(33-8-A73)]); «...Приличное какое, скромное. Сильно цветастое нельзя. Одна у нас тут, сестра у ней умерла, она схоронила ее в цветастом платье. Та ей снится и жалуется: “Купи мне скромненько платье, а то меня куда не пускают, стыдно”» (Зап. от Валентины Ивановны Сатиновой, 1939 г. р., д. Грибково, Муромский р-н. Соб. С. В. Просина. 2004 г. [рукописная запись]).

Особо оговаривается фасон одежды и ее комплектация. Кроме того, и у женщин и у мужчин в смертной одежде все еще активно употребляются вышедшие из обихода предметы белья (чулки и кальсоны, рейтузы) наравне с их более современными заменителями (колготы и трусы, майка): «Вот всё лежит: чулки лежат³², тапки, платочек, ночная сорочка, платье, покрывало. Панталоны не одевают, в халате, говорят, не положено. <...> А мужчину ложат в кальсонах, рубашка нательна и рубашка такая, и костюм» (Зап. от Аграфены Степановны Егуновой, 1918 г. р., д. Куприяново, Гороховецкий р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская [АЦРФЭ-2002(л)-(33-7-A2)]); «<Во что одевали?> Всё, что у него припасенное. Да, вот женщину, теперь уже, в это время, одевают у женщин, начиная там с нижнего белья, рубашка приготовлена у ней, бывало, одевали рейтузы и чулки, а теперь уже эти колготы стали. Вот надевают так кто-то рейтузы, еще надевает кто-то чулки. Но большинство уже заготавливают уже трусы и колготки, они как бы новые, потом платье. <А платье с длинным

³⁰ Примеры см. также в статье В. Е. Добровольской в этой же рубрике.

³¹ Особо показательно это было в советское время, когда шерсть хорошего качества была дефицитом и желанным материалом в обычной жизни.

³² Чулки, так же как и кальсоны, являются предметом, вышедшим из обычного обихода современного живого человека, однако они до последнего времени продолжали использоваться в комплекте «смертной» одежды как чрезвычайно важный атрибут, помогавший покойнице преодолевать препятствия наравне с саваном. Об этом см. статью В. Е. Добровольской в этой же рубрике.

рукавом?» *С длинным*» (Зап. от Ольги Григорьевны Тимохиной, 1925 г. р., с. Булатниково, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. С. В. Просина, О. В. Жукова [АЦРФЭ-2005(л)-33-8-А73]); *«В узле чего: рубашка, платье, мужику брюки и рубаха, кольсоны. Раньше хоронили только в лаптях, а сейчас их нет. Рукава длинные, а платье с поясом*» (Зап. от Клавдии Павловны Зеленовой, 1923 г. р., д. Якиманская слобода, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская [АЦРФЭ-2005(л)-33-8-А4]); *«А женщину в чем хоронили?» Раньше у нас бабка одевала, я с ней ходила с детства, я всё приняла у них. Рубашку, платье, в юбке с кофтой не клали, не халат — это грешно, только платье. Вот всё. Чулки надевали и тапки*» (Зап. от Елизаветы Григорьевны Горячевой, 1928 г. р., с. Быкасово, Гороховецкий р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская [АЦРФЭ-2002(л)-33-7-А1]); *«Рубашка, платья, штаны, чулки, — всё, что на нем. Мужчинам — майка, носки, рубашка, трусы, брюки. А платье женщине с какими рукавами?» С длинными, и чтоб под горлышко было. Обязательно с пояском. Платочек на голову»* (Зап. от Елены Максимовны Ладыгиной, 1924 г. р., с. Лазарево, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская, С. В. Просина [АЦРФЭ-2004(л)-33-8-А15]); *«А одевали его во что?» Одевали во все. Одевают в такое светленькое чтобы было. Платьице светленькое, там платочек светленький, все одеяние — это там сорочка, чулочки, штанишки, тапочки, всё-всё»* (Зап. от Елизаветы Петровны Богдановой, 1928 г. р. г., д. Афанасово, Муромский р-н, Владимирская обл. Соб. Е. А Волкова, Т. С Наумова [АЦРФЭ-2005(л)]); *«А на покойника нижнее белье не надевали?» Нет, нет, нет — рубашка и всё, платье, и больше никаких. А сейчас-то я вот сама одеваю: ох, рубашек каких надеваем, костюм, как гулять мы его собираем, как гулять, а раньше — нет»* (Зап. от Елизаветы Григорьевны Горячевой, 1928 г. р., с. Быкасово, Гороховецкий р-н, Владимирская обл. Соб. В. Е. Добровольская. 2002. [АЦРФЭ-2002(л)-33-7-А1]). Кроме того, не принято хоронить женщин в кос-

тюмах (это приравнивается к халату), а также в юбке и кофте (исключение составляют казачки) [Добровольская 2010, 11—17].

Немаловажную роль в подборе своей «смертной» одежды играет вкус женщины, а также элементарные привычки человека к ношению той или иной одежды или обуви при жизни. Тогда в узел попадает предмет, не соответствующий общим сложившимся представлениям, однако имеющий для конкретного человека большое значение, поскольку он включает эту вещь и в свой гардероб для «того» света, собираясь «жить» там и носить ее [Просина 2007].

Некоторые предметы, на сегодняшний день вышедшие из обихода живых, исключаются (а чаще заменяются) и в одежде мертвых. Например, лапти сегодня заменены любой обувью на плоской подошве с задником³³. Если раньше в первую очередь считали важным качество материала, то сегодня всё внимание сосредоточено на фасоне и наличии/отсутствии самого предмета одежды или его некоторых конструктивных деталей.

Подводя итог, следует сказать, что похоронный обряд и связанная с ним «смертная» одежда всегда занимали и занимают сейчас очень важное место в жизненном цикле, поскольку похороны — это последний ритуал, в котором «участвует» человек, а специальная одежда — последний наряд, надеваемый для последнего торжества при жизни и в начале новой «жизни» в иной ипостаси. Для того чтобы человек стал мёртвым в социальном смысле, необходимо совершить специальное преобразование, в котором немаловажная роль отводится одежде, подчеркивающей новый статус покойного. Как и невеста в момент своей ритуальной «смерти», покойник для живых людей должен был сменить привычный облик, стать существом безличным. Например, платье покойницы — это одежда, сшитая в соответствии с современным кроєм, но с обязательным соблюдени-

³³ И то, и другое становится чрезвычайно важным при преодолении преград на «том» свете. Об этом см. статью В. Е. Добровольской в этой же рубрике.

ем всех вышеописанных требований. Мы видим просто платье, без принадлежности какому-либо стилю, моде и т. д., для похоронного обряда важно его наличие как таковое. Современную «смертную» одежду, фактически ставшую подобием одежды живых, всё же следует рассматривать как особую (как ранее и традиционную обрядовую одежду). В ней присутствуют основные черты современной одежды живых людей, но со сменой ситуации (смертью) происходит трансформация: обычные предметы начинают восприниматься как обрядовые и поэтому существовать в особых условиях (избирательность предметов одежды и белья; выбор ткани и фасона с учетом сложившейся традиции похоронного обряда и современных условий; покупка готового подходящего платья (или костюма) без примерки; хранение этой одежды в особом отдельном месте и т. п.).

Литература

- Быт 1993 — Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / сост. Фирсов Б. М., Киселева И. Г. СПб., 1993.
- Виноградов 1918 — Виноградов Г. С. Материалы для народного календаря для русского старожилого населения. Иркутск, 1918.
- Власкина 2004 — Власкина Т. Ю. Похоронно-поминальные обычаи и обряды донских казаков // Традиционная культура. М., 2004. № 4 (16).
- Гринкова 1927 — Гринкова Н. П. Одежда Западной части Калужской губернии. Л., 1927. Т. III. Вып. 2.
- Добровольская 2010 — Добровольская В. Е. Запреты и предписания, связанные с обнажением человеческого тела // Традиционная культура. М., 2010. № 1.
- Завойко 1914 — Завойко Г. К. Вераования, обряды и обычаи Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3—4.
- Зеленин 1915 — Зеленин Д. К. Описание рукописей научного архива ИРГО. Пг., 1915. Вып. II.
- Корнаузов 1848 — Корнаузов Н. Этнографические черты г. Чердыни. Отечественные записки. СПб., 1848. Т. VII. Отд. VIII.
- Кремлева 1980 — Кремлева И. А. Похоронно-поминальная обрядность русского населения Пермской области // Полевые исследования Института этнографии за 1978 г. М., 1980. С. 25—35.

Куликовский 1894 — Куликовский Г. Похоронные обряды Обонежского края. Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. III.

Лебедева 1929 — Лебедева Н. И. Материалы по народному костюму Рязанской губернии. Труды об-ва исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. XVIII.

Левкиевская 2009 — Левкиевская Е. Е. Пояс // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М., 2009. Т. 4.

Логинов 1993 — Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. СПб., 1993.

Маслова 1975 — Маслова Г. С. Русская народная одежда Забайкалья (XIX—XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. II. Забайкалье. Новосибирск, 1975.

Маслова 1978 — Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.

Муром 2008 — Традиционная культура Муромского края. В 2-х т. Т. 1. М., 2008.

Просина — Просина С. В. Эстетика «прекрасного» в художественном оформлении похоронного ритуала // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 10. М., 2007. С. 296—305.

Смирнов 1920 — Смирнов В. Народные похороны и причитания в Костромском крае. Тр. Костромского научн. об-ва по изучению местного края. Кострома, 1920. Вып. XV.

Судогда 2001 — Фольклор Судогодского края. 2-е изд. М., 2001.

Толстая 2005 — Толстая С. М. Символический язык одежды // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 8. М., 2005.

Шейн 1900 — Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1900. Т. I. Вып. 2.

Сокращения

АЦРФЭ, ЦРФЭ — Архив Государственного республиканского центра русского фольклора.

Summary. *Funeral clothing can be interpreted as a material expression of traditional folk beliefs about interaction between the world of living people and the world of dead people. The list of items which are necessary for posthumous life helps to socialize dead person in the land of dead. After death every person has to undergo some changes in order to receive a new status. Usage of special funeral clothing has to underline these changes.*

Key words: *traditional folk clothing, funeral clothing, dead man, ritual clothing, funeral rites.*